

до конца 1980-х, когда роща Хетага сначала de facto, а вскоре и de jure стала общенациональной святыней осетин.

¹ СО, 12 июля 1959.

² Решительно бороться с пережитками прошлого// СО, 2 июля 1960.

³ Гокоев Х. Новоявленные идолопоклонники // СО, 29 июня 1960.

С.А. Штырков

**«СИГНАЛЫ С МЕСТ»
КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК:
ОДИН ЭПИЗОД АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КОМПАНИИ
1954 ГОДА В СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР**

Идеологическая кампания, развернутая в СССР во времена правления Н.С. Хрущева, сейчас многими воспринимается как «хрущевские» гонения на Церковь. При этом под «Церковью» понимается, прежде всего, Русская Православная церковь Московского патриархата. У подобной расстановки акцентов есть свои причины. Действительно, РПЦ в те и последующие годы являлась наиболее заметной религиозной институцией. Современная историография, уделяя внимания событиям тех лет, склонна репрезентировать их в терминах радикальной реорганизации церковно-государственных отношений после их нормализации в военные и первые послевоенные годы. Другими словами, в качестве адресата большой политики воспринимается именно РПЦ. В немалой степени преобладанию в освещении событий тех лет подобной схемы способствует и то, что союзные республики, чей религиозный ландшафт определялся, например, доминированием ислама, сейчас являются независимыми государствами, и религиозная жизнь советской поры в них тоже наделяется признаками «независимости».

Между тем, подобная нюансировка несколько затемняет тот факт, что в те годы объектом гонений, как с точки зрения гонителей, так и гонимых была не столько какая-то определенная церковь, сколько религия в целом. Жесткую руку атеистического государства почувствовали на себе представители тех конфессий, которые либо не обла-

дали церковной организацией, либо понимали церковное устройство по-своему, не так как было привычно и удобно советским функционерам, мыслившим о социальном устройстве религиозной жизни в категориях централизованной структуры. Более того, с самого начала новой атаки на религию объектом государственного внимания стали практики, которые сложно воспринимать в рамках институализированной деятельности. И в этой связи важно отметить, что в ходе антирелигиозной кампании конца 1940-х — начала 1960-х гг. произошло резкое расширение сферы применения термина «религия». Многие из того, что до этого воспринималось скорее в терминах местной и/или этнической традиции или обычая, стало «религиозным» и, следовательно, подлежащим искоренению. Здесь я имею в виду паломничество к святым местам, а также зачастую связанные с этими паломничествами, но не сводящиеся к ним местные праздники.

Начиная антирелигиозную кампанию, ЦК КПСС, который выступал в качестве ее главного инициатора, рассчитывал на своих «агентов влияния». И одна из главных ролей здесь отводилась средствам массовой информации и, в частности, газетам. Они не просто информировали читателей о решениях властей и ходе идеологической кампании. Посредством газетных публикаций проводилась линия жесткого давления на верующих через стигматизацию религиозных представлений и практик, а также конкретных людей, к ним причастным. И просматривая старые подшивки, мы сталкиваемся со своеобразным феноменом репрессивной этнографии, когда описание каких-то явлений оборачивалось не только призывом с ними бороться, но и самой этой борьбой. Особенно эффективно это действовало в тех ситуациях, когда социальное пространство, разделяющее читателя и героя публикации, было небольшим, другими словами, когда тот и другой могли встретиться в повседневной жизни или помыслить друг о друге в категориях фамильного родства, как это было в Северо-Осетинской АССР в 50-е гг. минувшего столетия. Впрочем, ситуация с тех пор принципиально не изменилась.

Далее в центре нашего внимания будут статьи и заметки республиканской газеты «Социалистическая Осетия» за несколько месяцев 1954 г. Авторы этих материалов боролись с теми явлениями, которые можно назвать «осетинские народные обычаи», так или иначе соотносящиеся со сферой религиозного, т.е. «религиозные пережитки».

Говоря о начальном этапе антирелигиозной кампании хрущевского времени, нужно сказать, что первым эксплицитным призывом к борьбе с пережитками прошлого было постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г.

Однако еще до выхода этого постановления, «Социалистическая Осетия» публикует передовицу «Шире размах научно-атеистической пропаганды»¹. Эта статья характерна в нескольких аспектах. Во-первых, религиозные пережитки в ней представлены в ряду других («Пережит-

ки капитализма и феодально-родового быта в сознании трудящихся проявляются в виде некоммунистического отношения к труду, к социалистической собственности, в виде религиозных предрассудков и суеверий»). Во-вторых, мы находим указания на местные реалии, и эти указания должны были восприниматься как «сигналы», требующие реакции со стороны местных (районных и колхозных) функционеров («В “святые” места “Уацилла” и “Хетаг”, расположенные в Гизельдонском и Алагирском районах, в самый разгар полевых работ приезжают трудящиеся. Кроме того, что они путем жертвоприношений наносят ущерб своему хозяйству, они вредят коллективной экономике, нарушают трудовую дисциплину»). Как мы видим, религиозные действия соотносятся со сферой социалистической экономики, в данном случае через выявление связей между религиозными причинами и нерелигиозными последствиями. Тем самым «религия» выводится из области личного выбора в общественную сферу, что санкционирует борьбу с ней. В-третьих, автор статьи увязывает искоренение религии с перспективами строительства коммунизма. И, наконец, статья содержит пока еще необходимый «Post scriptum»: «важно в научно-атеистической пропаганде соблюдать соответствующий такт, не допускать ничего такого, что могло бы оскорбить чувство верующих, оттолкнуть их».

В августе в передовице «Шире размах научно-атеистической пропаганды»² из религиозных пережитков указывается один — паломничество в почитаемую роццу Хетаг. Из контекста статьи становится ясно, что именно это паломничество является «образцовым» пережитком: «Празднование “Хетага” обычно сопровождается многодневным пьянством, убоем скота, отвлекает большое количество людей от работы». Кажется, именно с этой публикации Хетаг начинает репрезентироваться как проблема общереспубликанского масштаба. Другими словами, если речь идет о конкретном районе или селении, указываются какие-то местные реалии, но Хетаг выступает в роли заместителя всего, с чем нужно бороться, для всей Северной Осетии.

В скором времени «Социалистическая Осетия» начинает серию публикаций, в которых освящается ситуация с религиозными и прочими пережитками-спутниками по отдельным районам. В этих статьях уже называются конкретные фамилии «церковников и мракобесов» — конкретных виновников существования суеверий.

Среди прочих «сигналов с мест» особого внимания заслуживает материал об Алагирском районе, который удостоился развернутой этнографической справки и, в первую очередь, из-за расположенного там роцци Хетага, на описании которого и сосредоточивается автор публикации³.

Исстари повелось здесь так, что нельзя ничего трогать, выносить отсюда, дабы не покарал «всевышний». Вот почему при входе в роццу бросается в глаза множество бутылок, содержимое которых выпито

на протяжении многих лет. Тут же обрывки бумаг, мусор, скривившиеся от времени скамейки и столы. Этот хаос дополняет вырубленная из камня маленькая уродливая фигурка всадника, обвешанная грязными лоскутами материи. Это и есть «святой Хетаг», это и есть «Святой куст». Сюда ежегодно в начале июля съезжаются люди различных возрастов. Старца влечет к «кусту» традиция поклонения «святому Хетагу», переданная ему прадедами; другие направляются в рошу любопытства ради, а третьи — выпить и закутить за чужой счет. В этот день поедается там не один десяток голов скота, принесенных в жертву «святому Хетагу», опоражнивается не одна бочка пива и араки, благо к «празднику» готовятся задолго. Денег за год собирается немало — ведь два железных ящика с надписью «Посторонним трогать кассу „святого Хетага“ строго воспрещается» — объемисты и вместительны.

И вот в разгар сельскохозяйственных работ, когда на полях стоит еще не прополотая кукуруза, седебородые старики в окружении молодежи с достоинством, чинно произносят тост за тостом о «святом Хетаге», о благополучии в каждом доме, о живых и мертвых.

На длинных досках разложены большие куски мяса, пироги. В руках тамады рог.

— Пусть «святой Хетаг» сопутствует нам в пути.

И ему в ответ дружное: «Оммен!»

И так каждый год. И этому не противодействуют. В день «праздника» сюда съезжаются люди из многих районов республики, оставшая неотложную работу в колхозах.

О чем это говорит? О плохой постановке на селе культурно-просветительной работы, об отсутствии широкой пропаганды марксистско-ленинского мировоззрения среди населения.

У нас в стране борьба с религиозными пережитками ведется не административными мерами, а путем огромной работы по идейному воспитанию нашего народа, повышению культурного уровня трудящихся.

Реплика об отсутствии в арсенале атеистической власти административных мер в борьбе с «религиозными пережитками» конечно лицемерна. Но только до известной степени. Место для подобных мер в антирелигиозной кампании найдется, пусть даже они будут прикрыты по устоявшемуся партийному обычаю инициативой трудящихся. Но это случится позже, когда в ходе новой попытки покончить с религией местным функционерам будет предложены конкретные и в какой-то мере действенные способы борьбы с местными обычаями, в т.ч. и с почитанием местных святынь. В ноябре 1958 г. выйдет специальное постановление ЦК «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам», и в Северной Осетии начнется «штурм» Хетага и других святынь. Пока же вся борьба ограничилась актами

«обличительной этнографии». И эта кампания закончилась столь же стремительно, как и началась, оставив нам своеобразное свидетельство религиозной жизни этой северокавказской республики.

10 ноября 1954 г. ЦК КПСС выносит постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором заявляет: «ЦК КПСС располагает фактами, свидетельствующими о том, что за последнее время в научно-атеистической пропаганде среди населения в ряде мест допускаются грубые ошибки. Вместо развертывания систематической, кропотливой работы по пропаганде естественнонаучных знаний и идейной борьбы с религией в отдельных центральных и местных газетах, а также в выступлениях некоторых лекторов и докладчиков допускаются оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды» и т.д.

14 ноября это постановление публикуется в «Социалистической Осетии», и на несколько лет тема борьбы с религиозными пережитками для редакции газеты снова становится неактуальной.

Библиография

Васильева О. Государственно-церковные отношения хрущевского периода // Vittorio. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М. 2005.

¹ СО, 13 июня 1954. По-видимому, информация о готовящемся постановлении распространялась заранее. Еще в марте отделами пропаганды и науки совместно была подготовлена записка на имя Хрущева «О крупных недостатках в естественно-научной, антирелигиозной пропаганде» (Васильева 2005: 290).

² СО, 11 августа 1954

³ Цаголов В. Свет науки против тьмы религии. В Алагирском районе слабо ведется научно-атеистическая пропаганда // СО, 26 октября 1954.

Прищепова В.А.

ИЗЖИВАНИЕ РЕЛИГИИ СРЕДИ ЖЕНЩИН-МУСУЛЬМАНОК СРЕДНЕЙ АЗИИ В ФОТОМАТЕРИАЛАХ 1920-1930 ГГ.

Ряд фотографий из собраний МАЭ 1920 — 1930-х гг. посвящен одному из главных в политике советского государства вопросу — «женскому». На различное положение мужчин и женщин в восточном об-